

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ М. А. КРОНГАУЗА

Сегодня проблемы экологии широко обсуждаются в публицистике. Речь идет о катастрофическом состоянии природной среды обитания человека, о загрязнении воды и воздуха, рек и морей, лесов и полей. Академик Д. С. Лихачев расширил понятие экологии, обозначив проблему экологии духовной культуры. Бесспорно, существует и проблема экологии языка.

Слово *экология* составлено из двух греческих слов: *oikos* + *logos*. Первая часть означает 'дом', 'родина', отсюда и более широкое современное значение 'среда обитания'. Вторая часть многозначна, обозначает 'слово', 'понятие', 'учение'. Экология может трактоваться как 'домостроительство', 'родное слово' или 'словесная (языковая) среда обитания'. И эта среда обитания, по мнению многих участников дискуссии по проблемам лингвоэкологии, находится в катастрофическом состоянии.

Но таким тенденциям к алармизму (от английского *alarm* – 'тревога') противостоит идея о демократизации и либерализации языка. Язык очень богат, никакой деградации он не знает и со всем справится сам, считают сторонники этой точки зрения.

Как показала дискуссия в СМИ, филологи склонны обсуждать проблемы лингвоэкологии в более или менее сдержанном регистре. Однако, по мнению профессора М. А. Кронгауза, внутри страны лингвисты вовсе не едины. Можно заметить, что все дискуссии о языке заканчивались разделением ученых на два лагеря: тех, кто видит сегодня порчу языка и призывает его спасти, и тех, кто разделяет мысли о демократизации и либерализации современного речевого общения. Профессиональное сообщество ответило на эти вызовы, мы имеем книги ведущих лингвистов России с оценками ситуации в целом. Это книги М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» [3] и «Самоучитель олбанского» [7], И. Левонтиной «Русский со словарем» [8], Г. Гусейнова «Нулевые на кончике языка» [1]. Кроме того, с 2006 года редакция журнала «Знамя» организует на своих страницах дискуссии о современном состоянии языка.

На сегодняшний день самую активную позицию по популяризации лингвистических знаний занимает профессор М. А. Кронгауз, заведующий кафедрой русского языка Института лингвистики РГГУ. Мы изучили 15 статей Максима Анисимовича в научно-популярных изданиях и в сети Интернет, а также две его книги. Цель данной статьи – реконструировать черты языкового самосознания филолога-профессионала на основе выступлений в печати. Анализ публицистических статей позволяет увидеть, какие проблемы волнуют профессиональное сообщество. Это проблемы культуры речи, соотношение нормы и узуса, отношение к заимствованиям, сленгу, обценной лексике, дисбаланс между коммуникативной и регулирующей функцией языка. Умения обобщать свои наблюдения и вербализовать их в популярной форме позволили профессору Кронгаузу стать самым активным профессионалом, выступающим на разных площадках перед широкой аудиторией: «Я вижу свое профессиональное предназначение в том, чтобы исследовать новые явления и тенденции в языке, а не в том, чтобы давать им этическую оценку» [7, с. 33]. В первой монографии автор пытается установить причины культурно-речевого кризиса, для этого он излагает взгляды на состояние языка своей эпохи. Во второй монографии автор пытается многомерно оценить современную речевую ситуацию с опорой на собственный языковой опыт. Ключевые оппозиции, которые автор использует для анализа, следующие: профессиональный и наивный взгляд на язык, коммуникация и норма, общение в Интернете и в реальной жизни. Субъективно-оценочное и объективное отношение к языку соединились в одном тексте: «Порча или обогащение? Конечно, сами эти слова просто выражают эмоциональную оценку, которая предельно субъективна» [7, с. 204].

В порче язык обвиняют те, кто не поспевает за стремительным его обновлением. Как считает профессор М. А. Кронгауз, это защитная реакция языкового сознания на сложность современного мира.

Жанры, в которых выступил М. А. Кронгауз, следующие: заметки, мемуары, рецензии, лекции. Судя по названиям статей, в душе автора борются лингвист и обыватель: «Записки просвещенного обывателя», «Заметки рассерженного обывателя», «Утомленные грамотой», «Лексикографические мемуары: о времени, стихах и техническом прогрессе». Анализ заголовков позволяет видеть динамику позиции автора: от неврозов и срывов, вызванных изменениями в языке и речи, к более

нейтральной, хотя и не отстраненной точке зрения. Его любимая журнальная рубрика – «В эпоху перемен», а на сайте polit.ru – «жизнь идей». «В сети слишком много Кронгауза», – так шутливо прокомментировало Интернет-сообщество включение книги Максима Анисимовича в шорт-лист премии «Просветитель» 2013 года, стать лауреатом которой ему все же не удалось. Но уже сам факт частого появления имени ученого не только в академических изданиях, но и в научно-популярных свидетельствует о сближении позиций профессионалов и читающей аудитории по вопросам культуры речи.

Все выступления в совокупности позволяют определить круг тем, по которым в полемике с оппонентами Максим Анисимович выработал свою точку зрения: в чем сегодня функция лингвиста; каков статус русского языка в мире; русский язык в сети Интернет; динамика нормы; новые тенденции в коммуникации; речевое поведение. Как профессионал, он не только критикует, но и проявляет заинтересованность, разделяя позицию А. М. Пешковского, который писал: «Лингвист ни одного факта не осудит, а лишь изучит». Мы не будем в данном сообщении затрагивать проблему обесцененной лексики, борьбу пуристов и антипуристов, которая ведется уже не одно десятилетие со времен адмирала Шишкова. Эти проблемы уже отрефлектированы научным сообществом в многочисленных обзорах. Но, как лицо официальное, М. А. Кронгауз высказался по проблеме статуса русского языка в мире, который в постперестроечное время настолько изменился, что можно говорить о региональных вариантах языка (региолектах). В СССР, скорее, русский язык влиял на другие языки, нежели они на него. Процесс воздействия на русский язык сегодня усиливается. «Кто отвечает за русский язык, допустимы ли разные центры кодификации? Допустим, в Беларуси, где русский язык имеет статус государственного?» – такие вопросы были подняты на страницах журнала «Дружба народов» [6, с. 162]. Максим Анисимович однозначно выступает за то, чтобы литературный язык был один. Авторитет русскому языку нельзя создать приказом или навязать государственным законом. «Языковой стандарт и языковая норма принимаются добровольно», – пишет он.

Ценность работ профессора М. А. Кронгауза в том, что он замечает не единичные факты, а пытается рассмотреть тенденции, не исполь-

зую оценочные термины *кризис*, *порча*. Например, особенность интернет-коммуникации в том, что мода на слова и словечки оказалась постоянной (словечки меняются, а мода остается). Также автор обратил внимание на обострение противоречий между традицией, повседневной практикой и теорией. Действительно, за последние 30 лет русский язык изменился очень сильно. Конфликт между системой и нормой особенно заметен профессионалам. Понятие нормы – одно из ключевых в культуре речи. Но норма утратила ценность для большей части населения. Известно, что норма всегда консервативна. Норма уже не отражает лингвистической действительности. «Раздражает вариативность в языке или раздражает невозможность всеобщего социального контроля?» – пытается разобраться лингвист [4, с. 167]. Можно говорить, что период ненормативного хаоса постепенно заканчивается. Хаос – обратная сторона свободы. Вторая проблема формулируется так: что важнее – язык или коммуникация? Ради простоты и естественности коммуникации можно и нужно нарушать языковую норму – такова позиция М. А. Кронгауза [3]. Дольше всего держится орфографическая норма, носители языка очень бурно реагируют на ее вариативность. Хотя в русской орфографии часто нарушается принцип системности и ее теоретически можно реформировать, но эти попытки натываются на неприятие в среде образованных людей. Принцип сохранения графического облика слова оказывается важнее принципа системности. Та неграмотность, которая существовала всегда, отчасти стала публичной [4]. Характеризуя орфографические игры в Интернете, М. А. Кронгауз использует понятия *неграмотность* – *безграмотность* – *антиграмотность*. «Антиграмотность – это владение правилами и сознательное их нарушение», – считает автор, оценивая примеры типа *нисмишино*, *ужос*, *валялся пацстулам* в интернет-общении [7, с. 105]. Рефлектирующее сознание филолога может пользоваться терминологией, а может обходиться общеупотребительной лексикой, чтобы сблизить позиции профессионала и «просвещенного обывателя». В корпусе текстов встретились лингвонимы (*русский*, *эстонский*, *албанский*), термины (*коммуницировать*, *социолект*, *региолект*, *норма*, *словарь*, *речь*, *сленг*, *грамотность*, *антиграмотность*), имена собственные (Д. С. Ушаков, В. Новиков, Д. Медведев, блогер Удав), прецедентные цитаты из А. С. Пушкина, Б. Пастернака, эпиграфы,

иллюстрации (история слов *элитный*, *эксклюзивный*, *реально*; бизнес-метафоры *продукт* и *проект* в гуманитарной сфере), аксиологические высказывания («*К сожалению, русский язык уже никогда не будет таким, как прежде*»).

М. А. Кронгауз отмечает, что в узусе перестали обращать внимание на перенос, на экспансию предлога *о*, на вариативность написания, многочисленные сокращения. Анализу русскоязычных и англоязычных сокращений и языковой игре с ними (например, *РЖД* – *русская жестокая действительность*, *LOL* – ‘*ну очень смешно*’) посвящена глава в [7]. Описывая особенности интернет-стиля, М. А. Кронгауз приходит к выводу, что «это коммуникация письменная по форме и устная по сути» [7, с. 46].

Изменилось речевое поведение: нормы этикета, понятие вежливости, способы обращения. Иногда в языке СМИ экспрессивная функция вытесняет коммуникативную, регулятивная в официально-деловом стиле – коммуникативную. Статус языка СМИ изменился, но никакого особого медийного языка нет, считает лингвист.

В целом можно отметить, что есть четкое разделение позиций по вопросам лингвоэкологии между публицистами (они часто алармистские) и профессионалами, которые дают взвешенные оценки современному состоянию русского языка.

1. Гусейнов, Г. Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу / Г. Гусейнов. – М.: Дело, 2010.
2. Кронгауз, М. Заметки рассерженного обывателя / М. Кронгауз. – Отечественные записки. – 2005. – № 2. – С. 131–139.
3. Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М.: Знак, 2007.
4. Кронгауз, М. Утомленные грамотой / М. Кронгауз. – Новый мир. – 2008. – № 5. – С. 161–168.
5. Кронгауз, М. Лексикографические мемуары: о времени, стихах и техническом прогрессе / М. Кронгауз. – Дружба народов. – 2011. – № 2. – С. 157–165.
6. Кронгауз, М. Кто отвечает за русский язык / М. Кронгауз. – Дружба народов. – 2011. – № 10. – С. 161–172.
7. Кронгауз, М. Самоучитель олбанского / М. Кронгауз. – М.: Астрель, 2013.
8. Левонтина, И. Русский со словарем / И. Левонтина. – М.: Азбуковник, 2010.